

Лависс Эрнест

**Очерки по истории
Пруссии**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э81

Э81 **Эрнест Л.**
Очерки по истории Пруссии / Лависс Эрнест – М.: Книга по Требованию,
2022. – 107 с.

ISBN 978-5-519-92166-4

ISBN 978-5-519-92166-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

на него, приходится углубиться въ далекое прошлое. Современное прусское государство ведетъ свое начало съ XVII вѣка, съ того дня, когда Великій Курфюрстъ одѣлъ въ одинъ мундиръ своихъ солдатъ изъ прирейнскихъ герцогствъ, изъ Бранденбурга и изъ Пруссіи и надъ всѣми провинціальными органами власти и мѣстными привилегіями поставилъ центральную администрацію, какъ представительницу прусскаго отечества. Но Бранденбургъ и Пруссія были настоящими государствами уже въ средніе вѣка, когда они жили врозь—Бранденбургъ подъ управленіемъ маркграфовъ Асканійскаго дома, Пруссія подъ властью Тевтонскихъ рыцарей — и когда они не имѣли еще никакого понятія о Гогенцоллернахъ. Европа переживала тогда феодальный періодъ; повсюду права, связанныя съ земельной собственности, сковывали общественную власть, которая стремилась разорвать свои путы, а въ Бранденбургѣ и въ Пруссіи уже были государи, которые правили.

Этотъ строй утвердился въ Бранденбургѣ и Пруссіи благодаря тому обстоятельству, что они были колоніями германскаго народа, и если не знать этого факта и не оцѣнить его по достоинству, то ничего не поймешь въ исторіи Пруссіи.

Для всѣхъ народовъ сосѣди являются врагами, а границы—полями битвъ. Германецъ былъ врагомъ славянина, своего сосѣда на востокѣ. Онъ далъ ему нѣсколько крупныхъ счастливыхъ сраженій за то очень короткое время, когда Германія обладала извѣстнымъ политическимъ единствомъ; но окончательной своей побѣдой надъ славянами, полнымъ ихъ изгнаніемъ или истре-

бленіемъ на спорныхъ земляхъ онъ обязанъ былъ довольно безпорядочному, но зато непрерывному натиску купцовъ, рыцарей, монаховъ и нѣмецкихъ крестьянъ, которыхъ увлекали въ славянскую землю пылъ прозелитизма, любовь къ приключеніямъ и страсть къ наживѣ. Города, монастыри и кастелянства служили естественными рамками, въ которыхъ размѣщались толпы этихъ пришельцевъ; но нѣмецкія колоніи не долго бы просуществовали, если бы не нашлось двухъ рамокъ гораздо шире и прочнѣе: военнаго государства маркграфовъ бранденбургскихъ на правомъ берегу Эльбы и военнаго государства тевтонскихъ рыцарей на правомъ берегу Вислы. Бранденбургъ и Пруссія выработали у себя особія учрежденія, совсѣмъ непохожія на современныя имъ германскія, потому что оба эти государства были не свободно развившимися отпрысками, а искусственными созданіями, потому что они были основаны въ землѣ враговъ и въ виду врага; потому что колонизаторами этихъ двухъ территорій были не народы и не части народовъ, которые приносятъ съ собой въ новыя страны свои старые законы, но отдѣльныя лица, вышедшія изъ разныхъ областей Германіи и принимавшія въ завоеванной землѣ законы, приспособленные къ нуждамъ этой земли.

Пять главъ предлагаемой книги посвящены этому вопросу о зарожденіи прусскаго государства; изъ нихъ двѣ первыя—исторіи Бранденбургской марки до XIV вѣка. Бранденбургъ—страна пустырей и болотъ, но онъ лежитъ на полпути между Балтійскимъ моремъ и горной цѣлью Силезіи, между Эльбой, данницей Сѣвернаго

моря, и Одеромъ, данникомъ Балтійскаго; его рѣчная сѣть словно нарочно начерчена для установленія сообщеній между Эльбой и Нѣманомъ. Эта страна не прикрыта, но зато и не замкнута никакими границами; ей грозятъ опасности со всѣхъ сторонъ, но она можетъ и расширяться по всѣмъ направленіямъ. Въ этой странѣ изъ смѣшенія славянъ и нѣмцевъ, пришедшихъ со всѣхъ сторонъ Германіи, образовалось народонаселеніе, способное постоянно принимать въ себя чужеродные элементы, закаленное бѣдностью, выносливое и цѣлкое, какъ сосны бранденбургскихъ песковъ, работающее и нелегко выпускающее изъ рукъ плоды своей работы.

Въ третьей, четвертой и пятой главахъ я пытался въ широкихъ чертахъ изобразить судьбы нѣмецкой рыцарской корпораціи. Тевтонскіе рыцари были на правомъ берегу Вислы тѣмъ же, чѣмъ маркграфы бранденбургскіе на правомъ берегу Эльбы: оставивъ далеко позади себя центръ арміи, они явились нѣмецкимъ авангардомъ, принимавшимъ на себя первый натискъ враговъ. Ихъ исторія полна драматическаго интереса, какъ повѣсть о непрерывной борьбѣ двухъ расъ.

Правда, когда Гогенцоллерны сдѣлались маркграфами бранденбургскими въ XV ст. и герцогами прусскими въ XVII, марка была уже не тѣмъ, чѣмъ сдѣлали ее маркграфы асканійскіе, и Пруссія являлась не той богатой и благоустроенной страной, какой она была въ цвѣтушія времена ордена; но старыя учрежденія не были совсѣмъ стерты съ лица земли и оставили по

себѣ глубокіе слѣды; при этомъ, несмотря на различіе эпохъ, условія жизни страны и населявшаго ее народа остались все тѣ же: страна имѣла тѣхъ же враговъ; ея безопасность, ея существованіе были обезпечены не болѣе прежняго; ей попрежнему приходилось разсчитывать на однѣ свои силы и видѣть залогъ спасенія въ своихъ учрежденіяхъ и въ дисциплинѣ. Пусть новые государи не знали, можетъ быть, даже именъ асканійскихъ маркграфовъ и совсѣмъ не помнили о рыцаряхъ; но тѣмъ не менѣе они дѣлали то же, что дѣлали маркграфы и гросмейстеры: шестая и седьмая главы этой книги, гдѣ говорится о Гогенцоллернахъ - колонизаторахъ, покажутъ, что государство Гогенцоллерновъ съ болѣе совершенными средствами и болѣе ясными идеями продолжало ту самую работу, которую начали маркграфы и рыцари.

Исторія основанія берлинскаго университета служить содержаніемъ послѣдняго очерка, откуда читатель можетъ познакомиться съ нѣкоторыми существенными особенностями прусской исторіи. Берлинскій университетъ былъ основанъ въ то время, когда Пруссія, казалось, была осуждена на гибель и не столько вслѣдствіе своего пораженія, сколько благодаря недостаткамъ своего внутренняго строя. Политическій строй, при которомъ личность является только орудіемъ достиженія государственныхъ цѣлей, подчиняющихъ себѣ все человѣческое существо, доставляетъ государю въ теченіе извѣстнаго времени необычайныя силы; но въ концѣ концовъ онъ изсушаетъ живой источникъ всякой силы - духовное достоинство личности. Потративъ свой умъ и

характеръ на сооруженіе такой прекрасной государственной машины, которая все знаетъ и все можетъ, люди слагають затѣмъ на нее заботу все знать и все дѣлать, и если какой-нибудь неожиданный ударъ сломаетъ или просто только разстроитъ этотъ механизмъ, то они, потерявъ голову, не знаютъ какъ противиться бѣдѣ и какъ поступать, чтобы окончательно не погибнуть. Іена была такимъ непредвидѣннымъ ударомъ; само по себѣ это событіе показало только превосходство военнаго генія Наполеона; но послѣдовавшее за нимъ крушеніе прусскаго государства обнаружило, что самая государственная машина Пруссіи изъѣдена ржавчиной.

Много было благородства въ мысли поднять Государство основаніемъ Школы. И эта мысль была сразу схвачена прусскимъ королемъ, ибо Гогенцоллерны, знавшіе цѣну всякой силѣ, во все не пренебрегали силами духовными. И раньше, на ихъ великое счастье, такія силы, какъ религія, служили ихъ интересамъ. Религіозная терпимость, эта первая форма умственной свободы, была однимъ изъ принциповъ ихъ управленія, и читатель увидитъ изъ этой книги, какую громадную пользу они отсюда сумѣли извлечь. Самое свободомысліе, которое очень рано развилось въ Пруссіи на почвѣ критики св. Писанія, не причинило имъ вреда: замѣчательнымъ образомъ въ этой странѣ раціонализмъ отлично уживался съ абсолютной властью. Дѣло въ томъ, что раціонализмъ признавалъ самого себя въ этомъ раціоналистическомъ правительствѣ: Пуфендорфъ, Томазіи, Вольфъ, Кантъ, Фихте, Гегель видѣли въ прусской монархіи воплощеніе

ихъ умозрительной идеи государства. Однако Пруссія не въ состояніи была однѣми собственными силами зажечь новый умственный очагъ, гдѣ могла бы отогрѣться Германія. Она не принимала никакого участія въ литературномъ движеніи XVIII вѣка. Всѣ умственныя силы Пруссіи были забраны на службу государству. Тогда какъ во Франціи, въ Англіи и въ Италіи списки писателей и ученыхъ блещутъ славными дворянскими именами, прусское дворянство давало только военныхъ, администраторовъ и дипломатовъ. Буржуазія, съ своей стороны, поставляла однихъ купцовъ и чиновниковъ. Ученыхъ, поэтовъ, писателей и артистовъ надобно было искать въ маленькихъ нѣмецкихъ земляхъ. Тамъ умъ не былъ вымуштрованъ по-прусски, жалкая политическая жизнь неспособна была привлечь его къ себѣ, и онъ уносился естественнымъ порывомъ въ высшія сферы. Онъ въ нихъ и заблудился: по удачному выраженію одного нѣмецкаго писателя, желая завоевать воздушное царство, онъ потерялъ изъ вида землю; но онъ сослужилъ все-таки великую службу родинѣ, возсоздавъ хотя бы въ облакахъ германскую имперію, и пришло время, когда люди, воспитанные этой высокой культурой и гордые сознаніемъ ея достоинства, почувствовали себя оскорбленными при видѣ униженія своего отечества и рѣшились признать тотъ же разумъ на службу его возвышенію. Тогда они обратились къ той странѣ, гдѣ была сила, т.-е. къ Пруссіи; въ это могучее тѣло они вложили германскую душу и основаніемъ берлинскаго университета запечатлѣли тотъ грозный союзъ прусской военной силы съ національ-

нымъ нѣмецкимъ геніемъ, который возвысилъ Пруссію и Германію, побѣдилъ Австрію и побѣдилъ Францію.

Итакъ, учрежденіе этой высшей школы является однимъ изъ важнѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи отношеній прусскаго государства съ Германіей. Здѣсь не мѣшаетъ сказать кѣскольکو словъ объ этихъ отношеніяхъ. Какъ у всѣхъ побѣдителей, у Пруссіи есть свои льстецы; они не обинуясь заявляютъ, что главной и постоянной заботой Гогенцоллерновъ было служить Германіи своими силами, и Пруссіи они приписываютъ „германскую миссію“. Но вся исторія вопіетъ противъ этой лести. Конечно, Пруссія отодвинула къ востоку границы Германіи, и несомнѣнно, что ея курфюрстовъ и королей нельзя даже сравнивать съ владѣтельными князьями центральной и западной Германіи—этими наивными эгоистами, которые въ государствѣ видѣли только орудіе, изобрѣтенное нарочно для того, чтобы имъ лучше жилось. Маленькій нѣмецкій князекъ, продававшій англійскому королю Георгу своихъ солдатъ для отправки ихъ въ качествѣ пушечнаго мяса въ Америку, представляетъ поучительный контрастъ съ своимъ современникомъ Фридрихомъ II, который, такъ сказать, покупалъ подданныхъ, раздавая призваннымъ въ Пруссію колонистамъ деньги и земли. Одинъ безчестилъ Германію, другой служилъ ея честью и величіемъ; но тѣмъ не менѣе нельзя по совѣсти утверждать, чтобы создатели Пруссіи когда-нибудь думали трудиться для славы и пользы Германіи. Римъ въ Италіи игралъ нѣкогда ту же роль, какъ Пруссія въ Германіи: онъ былъ странною убѣжи-

ща; онъ набиралъ своихъ гражданъ сначала среди сосѣднихъ племенъ, а потомъ по всей Италіи, какъ Пруссія брала своихъ подданныхъ сначала изъ сосѣднихъ областей, а потомъ изъ всей Германіи; Римъ образовалъ изъ этихъ различныхъ элементовъ римское государство, такое же искусственное созданіе, какъ и прусское государство; но Римъ никогда не рассказывалъ, будто бы онъ живетъ и работаетъ для Италіи: онъ жилъ Италіей, а не для нея, какъ Пруссія жила Германіей, а не для Германіи.

Надо признать, однако, что съ давнихъ поръ это государство, обладавшее силой и опредѣленной политикой, являлось предметомъ удивленія и гордости для всѣхъ нѣмцевъ, чувство достоинства и патріотизмъ которыхъ оскорблялись политическимъ безсиліемъ Германіи. Послѣ Тридцатилѣтней войны, когда Германія была обезчещена, разорена и политически уничтожена, всѣ ея патріоты, сколько ихъ оставалось, съ радостью слѣдили за дѣятельностью Великаго Курфюрста. Въ слѣдующемъ вѣкѣ подвиги Фридриха Великаго—это говоритъ Гёте—пробудили нѣмецкую поэзію. Наконецъ, въ началѣ нашего вѣка побѣжденная Наполеономъ Германія ожидаетъ своего спасенія отъ Пруссіи: въ нее стекаются Штейнъ изъ Нассау, Гарденбергъ и Шарнгорстъ изъ Ганновера, Блюхеръ изъ Мекленбурга, Гнейзенау изъ Саксоніи, однимъ словомъ всѣ люди благихъ стремленій, идеи и меча. Тогда былъ основанъ берлинскій университетъ, и честью для Пруссіи служить то, что на нее глядѣли какъ на единственную страну, гдѣ могло успешно развиваться это нѣмецкое дѣло.

Такъ какъ это предисловіе имѣетъ цѣлью ознакомить читателя съ содержаніемъ отдѣльных главъ предлагаемой ему книги и указать ихъ мѣсто въ исторіи Пруссіи, то ему надо остановиться на томъ, на чемъ оканчивается послѣдняя глава. Всѣмъ и безъ того извѣстно, впрочемъ, какъ были обмануты великія надежды, которыя нѣмецкій народъ возлагалъ на Пруссію въ 1813 г.; какъ измѣнило ему прусское правительство послѣ побѣдъ, одержанныхъ прусскими войсками, какъ оно возвратилось къ эгоистической политикѣ и какое негодованіе вызвало это предательство въ Германіи и даже въ самой Пруссіи. Однако нѣмецкій народъ не извѣрился въ Пруссію, и въ бурю 1848 года германскій парламентъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ предложить императорскій скипетръ королю прусскому. Но король прусскій отъ него отказался и самъ покаралъ нѣмецкую революцію. И все же тѣ самые люди, которыхъ онъ покаралъ, продолжали надѣяться на него; обширная партія, разсѣянная по всей Германіи, требовала отъ него объединенія германскаго отечества: онъ его совершилъ, но партія эта распалась, испыталъ горькія разочарованія. Представители Германіи, собранные въ Рейхстагъ, тщетно стараются внушить серьезное отношеніе къ своему достоинству, какъ представителей Германіи; и слишкомъ ясно, что германская миссія Пруссіи на дѣлѣ привела только къ подчиненію германскаго отечества прусской гегемоніи.

И еще большой вопросъ, возможно ли полное согласіе между духомъ Пруссіи и духомъ Германіи, такими различными продуктами двухъ

совершенно несходныхъ между собою исторій. Этотъ вопросъ разрѣшается на нашихъ глазахъ. *Sub judice lis est.* Указать на всѣ входящіе въ него элементы можно было бы только въ опытѣ по философіи исторіи Германіи и исторіи Пруссіи, чѣмъ мы займемся, можетъ быть, со временемъ, по окончаніи другихъ, давно уже начатыхъ работъ. Уразумѣть ходъ чужой исторіи—дѣло трудное. Историкъ можетъ вложить въ дѣло полную безпристрастность, т.-е. желаніе отыскать истину, и много терпѣнія въ изученіе, что представляетъ собой средство найти ее; онъ можетъ поѣхать посмотрѣть своими глазами на поднимаемые вѣтромъ пески Бранденбурга и на Вислу, омывающую подножія старыхъ тевтонскихъ замковъ; но онъ не жилъ жизнью народа, исторію котораго онъ хочетъ рассказать. Тѣхъ глубокихъ слѣдовъ, которые прошлое оставило на настоящемъ, нельзя сразу увидѣть, пріѣхавъ въ чужую страну. Когда мы углубляемся въ изученіе прошлой исторіи Франціи, то въ ея пониманіи нами руководить тайный инстинктъ, который присущъ всякой французской душѣ, такъ какъ она и создана этой исторіей. Какъ ни слабо падаетъ этотъ лучъ на отдаленные вѣка, онъ все же разсѣиваетъ ихъ мракъ; но иностранная исторія всегда остается темной; ее противъ воли постоянно сравниваешь съ исторіей своей страны; ея не знаешь въ ея тайникахъ и освѣщаешь только отраженнымъ свѣтомъ.

Но, по крайней мѣрѣ, мы неуклонно слѣдовали правилу—не писать ничего относительно исторіи Пруссіи, что не являлось бы истиной передъ судомъ нашей совѣсти. Въ этихъ очеркахъ нѣтъ